

Дверь была не заперта и мы вошли. Стоял едкий запах собачьего дерьма. И я понял, что в квартире живут не только люди. Юра перешагнул через кучку белых сухих какашек и проследовал в спальню. Я на кухню. На полу лежал бородатый мужчина бомжеватого вида. На вид лет 45-50. Один рваный ботинок отброшен в сторону, второй натянут на босу ногу. Подоконник заставлен грязными банками, пепельница с окурками, сухари. Некоторые куски уже покрылись черной плесенью.

– Хуйня какая-то, – выругался Юра, вернувшись из спальни, – ничего нет. Только клопы и тараканы.

– А ты чего ожидал? – хмыкнул я, – посмотри в холодильнике. Юра открыл старенький, с засаленным темным пятном вокруг ручки на покосившейся двери «Юрюзань», что стоял у стены.

– Во бя! – воскликнул он, – тут окорока и колбаса! И даже банка тушенки! Ну хоть что-то мы сегодня поедим.

Не помню, сколько уже не ел. День, два, три... Неделя? Когда все время пьешь, о еде как-то забываешь. На второй план уходит. Хотя и хочется конечно.

Мы положили провиант в черный измятый пакет, воняющий старым салом, найденный здесь же, в холодильнике. Я помочился в неработающий унитаз. В сером туалете с пожелтевшими обоями жутко воняло. Смыв не работал. Судя по всему, коммуникации в этом доме уже десятки лет не функционируют.

Когда я вышел из туалета, откуда не возьмись появился щенок (плотненький такой меховой карапуз белого окраса, маленький совсем – и месяца наверное нет – на крепких ножках, с обрубленным хвостом и обрезанными ушами) и подбежал к моим ногам. Жалобно взвизгнул и поскуливая, принялся лизать мои старые берцы. Я оторопел. Замер и не знал что делать. Потом вытащил замерзший окорок из пакета и бросил ему. Он с жадностью принялся грызть его. Мы вышли в подъезд. Я закурил залежавшуюся в кармане измятую беломорину. Потом услышал скулёж.

– Стой, – окликнул я спускающегося Юру, – я сейчас....

– Ну и чем ты его собрался кормить? Нам самим жрать нечего... – укоряюще произнес Юра, помешивая тушенку на горячей сковородке. Окорока мы обменяли на вонючую самогонку.

– Найдем чем, – ответил я, потрепывая Валеру за холку. Я решил назвать его так. Маленький медвежонок, любвеобильный и прожорливый, теперь он жил с нами – двумя полубичами – алкоголиками, раздавленными жизнью субъектами.

– Слушай, – серьезно начал Юра, – это Алабай. Его нельзя вырастить просто так. Это не дворняжка. Когда он станет большим он сожрет и тебя и меня. Это опасное животное.

Я поднял Валеру и посмотрел в его добрые карие глаза. До чего ж хороший и потешный. Я засмеялся и прижал его к себе. А за окном падал первый снег. Или второй. А может быть и третий. Точно не знаю. Но было еще не так холодно. Мерзкая зима только начинала просыпаться. Когда вся эта канитель началась, была такая же погода, и помню, шел первый снег. Точно первый. Падал и таял на щеках. Я вышел из здания «Станции переливания крови» сжимая в руке результаты анализов. Посмотрел в небо и сказал самому себе: «Скажи еще спасибо, что не ВИЧ». Гепатит С. Я читал, что большинство людей, когда узнают о наличии у себя вируса переживают сильный стресс. А мне было абсолютно похуй. Жена устроила скандал. Все не верила, что я не половым путем его подхватил, при том, что половым путем он практически не передается. А я ей не изменял! Я от иглы чужой заразился! В ту пору я немного баловался. Она так и не узнала. Я не мог признаться. Но истинная причина не в этом. Она уже давно поебывалась со своей первой любовью, когда я уезжал на вахту. Я это узнал. Добрые люди рассказали. Подумывал даже убить обоих. Или хотя бы ее. Старая СВД надежно припрятана в моем гараже. В армии я был лучшим стрелком. Но потом, после длительных размышлений подумал: «Не я давал этой бляди жизнь – не мне и забирать. Пускай идет с миром». Только ушла не она. Ушел я. Сын растет. Скоро в школу пойдет. Квартира однокомнатная. Там делить нечего.

3

Под ногами хрустнуло стекло. Я наступил на лампочку. Какой-то мудака положил ее на входе в подъезд. Света не было. Я наощупь, трясущимися руками снял домофон. Положил в старый потрепанный походный рюкзак и пошел в следующий подъезд... Юра работал в доме напротив. Потом мы вывалили два рюкзака за гаражами. Разбили все это дело молотками. Вытащили медь. Сдали в пункт приема. Получили 520 рублей. Не прибыльное это дело – бомбить домофоны. И опасное. Можно запросто пизды получить, если ктонибудь из жильцов поймает. А можно и того хуже – схлопотать срок. Неоправданно, но выбора у нас нет.

Мы купили литр самогонки. Буханку хлеба. Три пачки балканской и две соленые селедки на закуску. И еще я взял пакетик корма для собак.

4

Валера разразился звонким скулением, перешедшим в громкий щенячий лай. Он был в восторге от нашего возвращения. Его обрубок вертелся со скоростью вентилятора. Я бросил рюкзак. И взял его на руки. Он весь извивался и лизал мне лицо своим шершавым языком.

– Фу, бля! Ебанный ссач! Все обоссал! Абсолютно все! И насрал! – закричал Юра, пройдя на кухню. Валера и правда постарался. Ему не впервой. Но я не ругал его. И даже не был зол. Абсолютно. Все-таки нас не было целый день. Я бы тоже не выдержал.

Я вытер ссанину и убрал дерьмо. Покормил Валеру. Юра уже успел опрокинуть стакан бормотухи. Лихо у него это получается. Одним махом полбутылки. Я так не могу. Даже рюмку за раз всю тяжело. В три захода пью. И водой запиваю. Юра не запивает.

Я разделал селедку. Пить не особенно хотелось. Я бы лучше курнул. Но не было. И поэтому я все-таки ебнул рюмочку. Закусил. Посмотрел на спящего у моих ног сытого Валерку. Закурил. По радио сквозь шипение передавали о приближающемся конце света. Но мой-то давно уже наступил, и поэтому я не беспокоился. Впрочем, это у них привычка такая – каждый год пугать народ концом света. И каждый год ничего не происходит. Ну, во всяком случае – многие продолжают жить, как и всегда. Никто не умирает. Ничего не случается. Мир остается прежним. Обманщики. Подонки. Лжецы. Пиздоболы.

5

Уже стемнело. 5 часов вечера. Той зимой там наверху что-то намудрили со временем, и темнеть стало ненормально рано. Кухню освещал огарок свечки. Свет давно отключили за неуплату. Юра отрешенно смотрел в окно. Опынял он уже порядком.

– Сука! – вдруг выплюнул он, ударив кулаком по столу – завалю, падлы! Я посмотрел в окно. У подъезда стояла большая красная иномарка. Я не разбираюсь в марках. Мне это не нужно. Для меня машина она и есть машина. И ничего более. Солидный мужчина лет 35-40 и юная девушка как-то странно обнимались. Странно, потому что непонятно, то ли он ей папа, то ли ебарь. Наверное папик-ебарь. А она для него то ли Рай, то ли подстилка, а скорее райская подстилка. Девушка уворачивалась от его поцелуев в рот, и он попадал то в лоб, то в щеку...но не в губы. Видимо ротик она берегла для чего-то более серьезного и основательного.

– Завалю, твари! – прошипел Юра сквозь зубы, и снова ударил по столу, так что граненый стакан, наполовину наполненный самогоном, перевернулся и мутная, едкая жидкость потекла со стола на пол. Резко поднялся и направился к выходу. Я схватил его и усадил обратно.

– Тихо-тихо, друг, обожди чуток. Мы кажется не все сдали...

Тут главное отвлечь внимание и оттянуть время.

Юру я знаю очень давно. Практически с самого детства. Мы росли в одном дворе. Он серьезно увлекался боксом. Даже был чемпионом республики в полусреднем весе. Ему светила карьера профессионального боксера. Он тренировался каждый день с фанатичной преданностью своему делу. Но потом случилось то, что перевернуло его мозги. И жизнь. Его старшая сестра – известная шалава в районе – была убита. Ее нашли с пробитым черепом в

наркопритоне. Как выяснилось потом, ее очередной жених в порыве ревности, будучи бухим в хлам, случайно пробил ей голову гантелями и бросил подыхать, испугавшись ответственности. Очень скоро его поймали. Посадили. Сестру похоронили. А Юра ударился в пожизненный и беспросветный запой. Даже как-то загремел в дурку. Полежал там. Оклемался. Потом его выпустили. И он снова стал пить и сходить с ума. Квартира в которой мы живем, осталась ему после смерти родителей.

6

В тот день Юра приволок какую то обоссаную блядь и всю ночь шпилил ее на кухне. И все повторял, что он дельфин, а она его русалка и они вместе плавают в синей морской пучине. Часам к трем ночи они немного успокоились, и стали в два голоса петь «Черный воорАн... что ж ты вьеооошься... а над мою головуооой...». А затем она засмеялась стервозным грязным смехом и стала хвастаться тем, что она всегда проглатывает и берет до конца, полностью. А потом Юрке надоело все это, он открыл окно и вытолкал ее. А сам уснул. Валера спал у меня под боком, временами поскуливая во сне. Ему, как и всем нам снилось что-то страшное.

7

Утром я хмурый и не выспавшийся пошел на работу - побомбить сады в поисках цветного металла. Но сначала я покормил остатками еды Валеру и выгулял его. Девушка, к которой приезжает папик, тоже гуляла с собакой. Черный ньюфаундленд беспрекословно выполнял ее команды: «Лежать!», «Сидеть!», «Стоять!». Красивая властная амазонка. Без папика, с верным добрым псом рядом она выглядела как-то по - другому... Чище и светлее что ли. Порядочной она мне показалась. Не вязалась со сложившимся у меня образом подстилки. Мы разговорились о собаках, хотя я в этом ничего не смыслю. А потом она вдруг изменилась в лице. Стала очень серьезна и спросила меня: – Мы с вами раньше нигде не встречались? У меня такое чувство, что я вас очень хорошо знала когда-то... Но, просто забыла об этом, как забывают со временем сны.

– Возможно, – ответил я, – в какой-то прошлой несуществующей больше жизни.

– Неужели все так безнадежно?

– Я реалист. Поэтому во мне нет ни капли надежды.

На этом я почувствовал острое желание больше не разговаривать с ней.

Извинился. Сказал, что мне нужно идти по делам. Завел Валеру домой, а сам ушел...

8

Когда я вернулся, дверь в квартиру была открыта. Все перевернуто кверху дном. Юра лежал на кухне со спущенными штанами, перерезанным горлом и

отрезанными яйцами. Валера лакал с пола его кровь. Кто-то завалился в хату и убил Юру. Снятые штаны...кастрация....Вчерашняя блядина навела кого-то. Да, наверное, так. Больше было некому. Юра обошелся с ней по-джентльменски, вытолкав зимой ночью в окно первого этажа. А она оказалась ведьмой, и навлекла на Юру силы зла. И эти силы забрали у Юры его глупую жизнь. Или ее ревнивый муж узнал о ее похождениях? Бред какой-то. Сон. Небыль. Но оставаться было нельзя. Убийство, скорее всего, повесят на меня. По-другому и быть не может. Я буду первым подозреваемым. Нагрузят много чего поверх. Да еще и бутылку шампанского в жопу засунут, как это любит делать полиция в нашей стране.

Я накрыл тело простыней. Взял Валеру и ушел.

9

Та прекрасная девушка с ньюфом стояла у подъезда. Одна. Она была грустна и потерянна. Я сделал вид, что не заметил ее и прошел мимо. Потом остановился. Посмотрел на дрожащего Валеру у меня в руках. Повернулся, подошел к ней и отдал щенка.

– Пожалуйста, – сказал я, – позаботьтесь о нем. Я знаю – вы очень хорошая. Он умрет, если вы не поможете ему.

– Хорошо, – ответила она, – я позабочусь.

10

Я ощущал ту же скорбь и тот же ужас, в которые погрузился, когда мне приснилось что умерли моя жена и ребенок. Все кого я любил. И кто и является для меня всем миром.

Я стиснул зубы и быстрым шагом, не прощаясь, направился в неизвестно куда.

– Подождите! – крикнула мне девушка.

Я обернулся.

– Как вас зовут!?! – спросила она

– У меня нет имени, – ответил я и пошел дальше.